

Наблюдая за мягким выражением лица главы зала Фана, Мэн Цинсинь невольно сжала кулаки. Вот в чём разница между личными учениками и учениками по записи. Хотя оба они являются внутренними учениками, разница между ними — как между небом и землёй. Раньше, когда из Зала Правосудия пришли за ними, чтобы доставить на допрос, даже ученик этапа закладки основания вёл себя крайне высокомерно. А посмотрите на Су Чэ и Цинь Аня! Чтобы задать им пару вопросов, лично пришёл глава зала, да ещё и с такой мягкой улыбкой. Вот что значит иметь за спиной учителя! При этой мысли Мэн Цинсинь почувствовала ещё более дикую зависть к Су Чэ.

Почему судьба Су Чэ так удачлива? Являясь всего лишь бедным культиватором, он удостоился благосклонности дедушки, который обучил его искусству алхимии. Даже после того как его изгнали с Пика Пилюль в Секте Лазурных Облаков, он смог перейти на Пик Боевых Искусств и стать там личным учеником главы пика. Почему я не могу стать личным учеником? Почему?

Честно говоря, видя, что Цинь Аня и Су Чэ привёл их учитель, а допрос проводил лично глава зала Фан, да ещё и таким мягким голосом, даже Гу Тяньсин и Лю Цзян завидовали такому обращению. Действительно, по сравнению с такими личными учениками, как Цинь Ань, которых учителя холят и лелеют, они, ученики по записи, словно беспризорные дети, которых ни отец не любит, ни мать.

— Благодарю вас, наставник Фан. Если у вас есть вопросы, спрашивайте! — Улыбнувшись главе зала Фану, Цинь Ань сразу же заговорил.

— Хм, ничего особенного. Твои друзья сказали, что пять дней назад вы собирались в роще между Пиком Боевых Искусств и Пиком Талисманов и вместе ужинали. Наставник хочет спросить: было ли это на самом деле? — Глава зала Фан посмотрел на Цинь Аня и задал вопрос.

— Отвечаю наставнику Фану. В тот вечер мы с моим суженым Су Чэ действительно были в той роще. Однако во время ужина произошёл неприятный инцидент, из-за чего мы с Су Чэ ушли раньше времени, — глядя на главу зала Фана, Цинь Ань ответил прямо.

— Хм, они сказали то же самое. После вашего ухода вы не слышали громкого звука взрыва? Неужели вы не знали, что твои семь друзей застряли в ловушке внутри лабиринта и не могли выбраться? — Кивнув, глава зала Фан продолжил допрос.

— Взрыв мы слышали. Но на Пике Боевых Искусств старшие и младшие братья часто проводят спарринги, и мы привыкли к различным странным звукам. Поэтому мы не обратили на это внимания и не пошли проверять. Что же до того, что Тяньсин и остальные семеро оказались в ловушке, я узнал об этом только сегодня. Раньше я не знал, — покачав головой, Цинь Ань ответил очень уверенно.

— О! Так и есть! — Кивнув, глава зала Фан посмотрел на двух старейшин, сидевших рядом, и подал им знак глазами. Поскольку Сунь Тун был здесь, он не мог задавать слишком много вопросов, поэтому эту неблагоприятную работу должны были выполнять другие.

— Цинь Ань, ты сказал, что из-за неприятного инцидента вы с Су Чэ ушли раньше времени. Расскажи подробнее, что именно произошло, заставило вас уйти раньше? — Заговорил худой старейшина.

— Отвечаю старейшине. Во время ужина сестра Мэн Цинцин публично оскорбила моего суженого Су Чэ, используя очень непристойные слова, а ещё подсыпала нам в вино снотворное. Поэтому мы с Су Чэ разозлились и в гнев ушли, — глядя на старейшину, Цинь Ань ответил честно.

Услышав это, худой старейшина посмотрел на семерых стоявших рядом.

— Гу Тяньсин, то, что сказал Цинь Ань, — правда?

— Да, Цинь Ань говорит правду. Эта бессовестная девка Мэн Цинцин подсыпала нам снотворное и оскорбила Су Чэ, поэтому они оба ушли в ярости, — кивнув, Гу Тяньсин подтвердил это.

— Гу Тяньмин, Лю Цзян, Лю Ху, Лю Чэнь, Мэн Цинсинь, Мэн Цинцин, почему в ваших показаниях не было этого эпизода? — Глядя на остальных шестерых, старейшина недовольно спросил. Ранее, когда брали показания, их семерых допрашивали по одному, поэтому этот старейшина заметил, что только Гу Тяньсин рассказал о причине ухода Цинь Аня и Су Чэ достаточно ясно, а остальные говорили туманно. Сейчас, услышав, что Цинь Ань сказал то же самое, что и Гу Тяньсин, он ещё больше убедился, что остальные шестеро что-то скрывают.

— Старейшина, мы все земляки, а к тому же, тот факт, что сестра Мэн Цинцин подсыпала снотворное, был раскрыт Су Чэ при всех, и никому не было нанесено вреда. Поэтому мы не стали говорить об этом, — нахмурившись, ответил Гу Тяньмин.

— Да, старейшина, сестра Мэн Цинцин молода и неопытна, мы не хотели обвинять её и втягиваться в этот конфликт, — кивнув, Лю Цзян тоже сказал.

— Хм, то, что вы не обвиняете, не значит, что она этого не делала. Публичное оскорбление собрата по секте и подмешивание снотворного в напитки — это уже нарушение правил нашей Секты Лазурных Облаков. Как можно это терпеть? — Глядя на них, старейшина холодно хмыкнул.

Услышав это, остальные осмелились попросить за Мэн Цинцин.

— Да, я подсыпала снотворное, но Гу Тяньсин ещё и ударил меня! Разве он не должен быть наказан за избиение собрата по секте? — Сказав это, Мэн Цинцин с ненавистью посмотрела на Гу Тяньсина.

— Таковую змею, как ты, просто нужно проучить! — Сказав это, Гу Тяньсин показал кулак.

— Старейшина, мой брат и сестра Мэн просто обменивались ударами, это не было односторонним избиением. Моего брата тоже сестра Мэн ранила и даже укусила! — Сказав это, Гу Тяньмин указал на синяк в уголке рта Гу Тяньсина, а также показал всем следы укусов на руке Гу Тяньсина.

— Хм, раз у обеих сторон есть повреждения, значит, это была спарринговая схватка, а не избиение собрата по секте, — осмотрев раны на теле Гу Тяньсина, старейшина вынес решение.

— Как можно так решать? Это несправедливо, это несправедливо! — Услышав слова старейшины, Мэн Цинцин начала кричать.

— Наглость! Как смеешь кричать и шуметь в Зале Правосудия? Выведите эту женщину, которая пыталась отравить сородичей снотворным, на рудники. За попытку отравления собрата по секте и неуважение к Залу Правосудия приговорить её к полугоду работ на рудниках! — Хлопнув по столу, глава зала Фан громко закричал.

— Да!

Откликнувшись, стоявшие по бокам ученики тут же подошли и потащили Мэн Цинцин наружу.

— Я не согласна! Почему Гу Тяньсин не наказан, а я должна быть наказана? Я не согласна!

Даже пока её уводили, Мэн Цинцин продолжала кричать, что не согласна, но никто не жалел её, и никому не было дела, согласна она или нет!

После того как Мэн Цинцин увели, второй старейшина снова начал задавать вопросы.

— Цинь Ань, ты сказал, что слышал взрыв, но не обратил на это внимания, потому что на Пике Боевых Искусств часто проходят спарринги и странные звуки — обычное дело. Это мы можем понять. Но твои семь хороших друзей были заперты в формировании пять дней, ты разве не думал их поискать? Не думал отправить им сообщение, чтобы узнать, как они? Это как-то не соответствует логике, не так ли?

— Старейшина. Во-первых, я должен сказать, что у меня нет семи хороших друзей. У меня и моего суженого Су Чэ есть только два закадычных друга: один — Гу Тяньсин, а другой — Лю Цзян. Лю Цзян — боевой культиватор, мы часто общаемся с ним. Что касается Тяньсина, мы обычно связываемся через нефритовый жетон связи. В тот вечер из-за инцидента со снотворным, а также потому что вино купил Гу Тяньсин, а идею ужина предложили Гу Тяньсин и Лю Цзян, мы с Чэром испытывали к ним некоторую неудовлетворённость. Вернувшись с ужина, мы были полны гнева и поэтому не пытались связаться с ними первыми, — глядя на старейшину, Цинь Ань изложил заранее подготовленный ответ.

Услышав это, старейшина кивнул и больше ничего не сказал. Очевидно, он поверил словам Цинь Аня.

Взглянув на Цинь Аня, который отвечал уверенно и спокойно, худой старейшина перевел взгляд на Су Чэ, который всё это время молчал.

— Су Чэ, Мэн Цинцин сказала, что ты учился у её дедушки искусству алхимии. Тогда какие у тебя отношения с сёстрами Мэн?

Услышав это, Су Чэ нахмурил брови.

— Отвечаю старейшине. У меня нет никаких отношений с сёстрами Мэн. Старший Мэн действительно давал мне наставления по искусству алхимии, но в то время мы были в городе Фэнчэн, а не в доме Мэн. Поэтому до вступления в секту я никогда не видел Мэн Цинцин, а с сестрой Мэн Цинсинь я виделся только один раз.

<http://bllate.org/book/16458/1493585>